

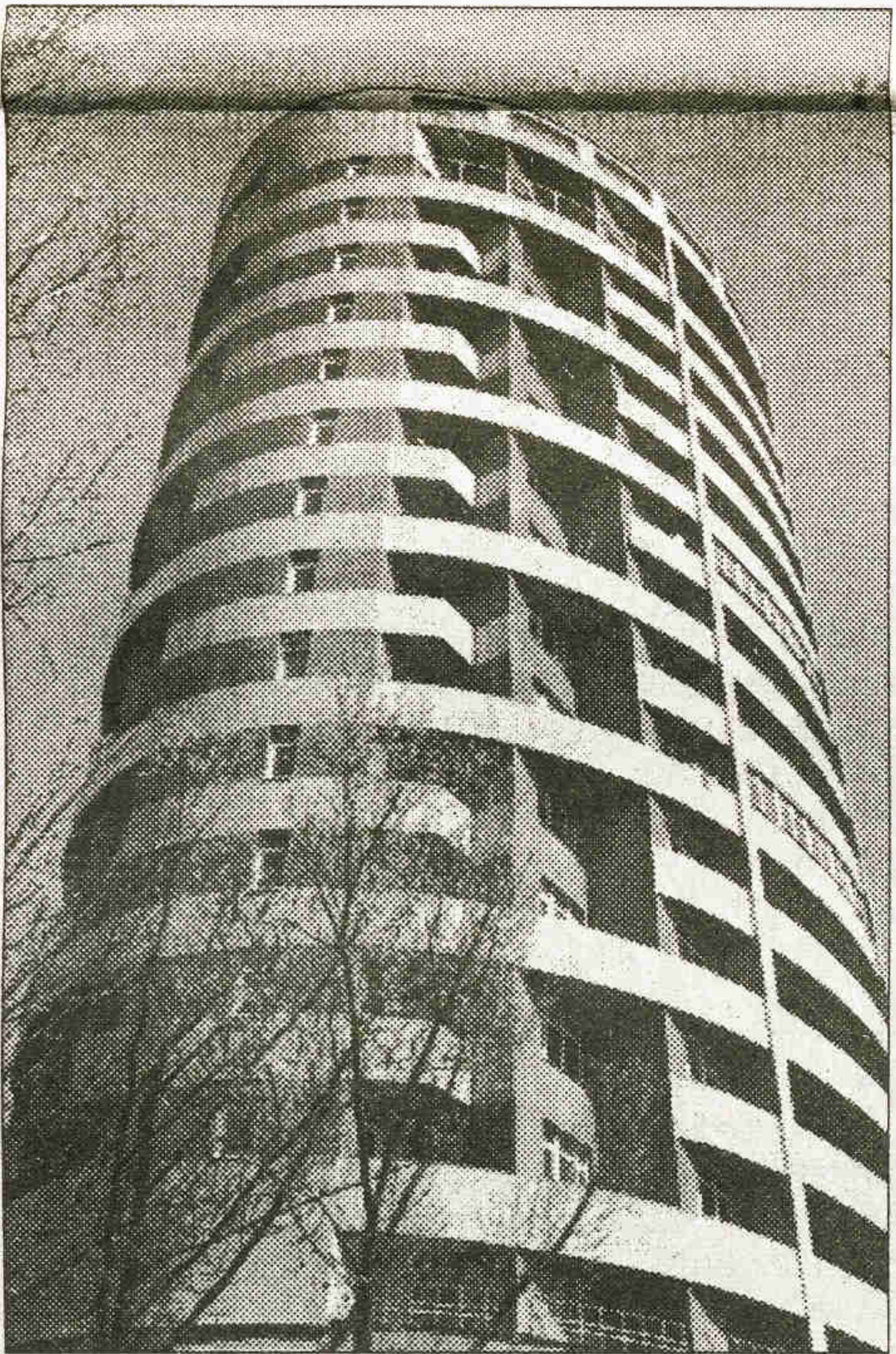
ность), выяснилось, что ничего другого, кроме круга, там быть просто не может.

ло в Москве раньше?
— Не знаю. Говорят, что еще в 60-е годы в

А что касается периферийности этого района, то превращение его в полноценный город

ШЕСТИСОТЫЙ В

Не надо путать недвиж

Первый овалный дом в Москве спроектировала компания «Сергей Киселев и Партнеры» (улица Ельнинская, 11). Но эта красивая идея могла состояться только при соответствующем качестве строительства. Чего, увы, не было.

Николай Малинин

ТРУДНО представить себе тему для архитектурного критика более тоскливую, чем элитное жилье. Метры — баксы, бассейны — пентхаусы, озонирование — бронирование, тройные стеклопакеты и тройная круглосуточная охрана, повышенная элитность с усиленной комфортностью... Скучнее только выборы. И если бы посреди экзотических рекламных всхлипов не прорывалось с такой настойчивостью словосочетание «первоклассная архитектура», мы бы и думать об этом не думали.

Однако привычное вранье риэлтеров («современной планировкой» называется увеличенная вдвое квартира из серии «П-44», а «экологически чистым районом» — квартал напротив Курчатовского института) в этих строчках особенно безудержно. Деньги-то на метры все перемножать умеют, а вот о такой специфической материи, как «архитектура», представления у потенциальных покупателей смутные. Так что впаривать можно все что угодно.

Непонятно, правда, зачем эти присказки про «архитектуру». Гнали бы себе свои метры, стригли бы купоны — кто ж за язык-то тянет?

Это все равно что продавать машинное масло и приговаривать, что оно чуть слышно отдает панелью. Описывая проект сорокоэтажки на Давыдовской улице, авторы разом поминают и высотные здания, и Иверские ворота, и каких-то привлеченных французских архитекторов, и резюмируют: «дом станет ярким событием в архитектуре города». Хотя сравниться с этой великодержавной халтурой может только Манежная площадь.

Корбюзье сказал: дом это машина для жилья. Райт поправил: да, конечно, но архитек-

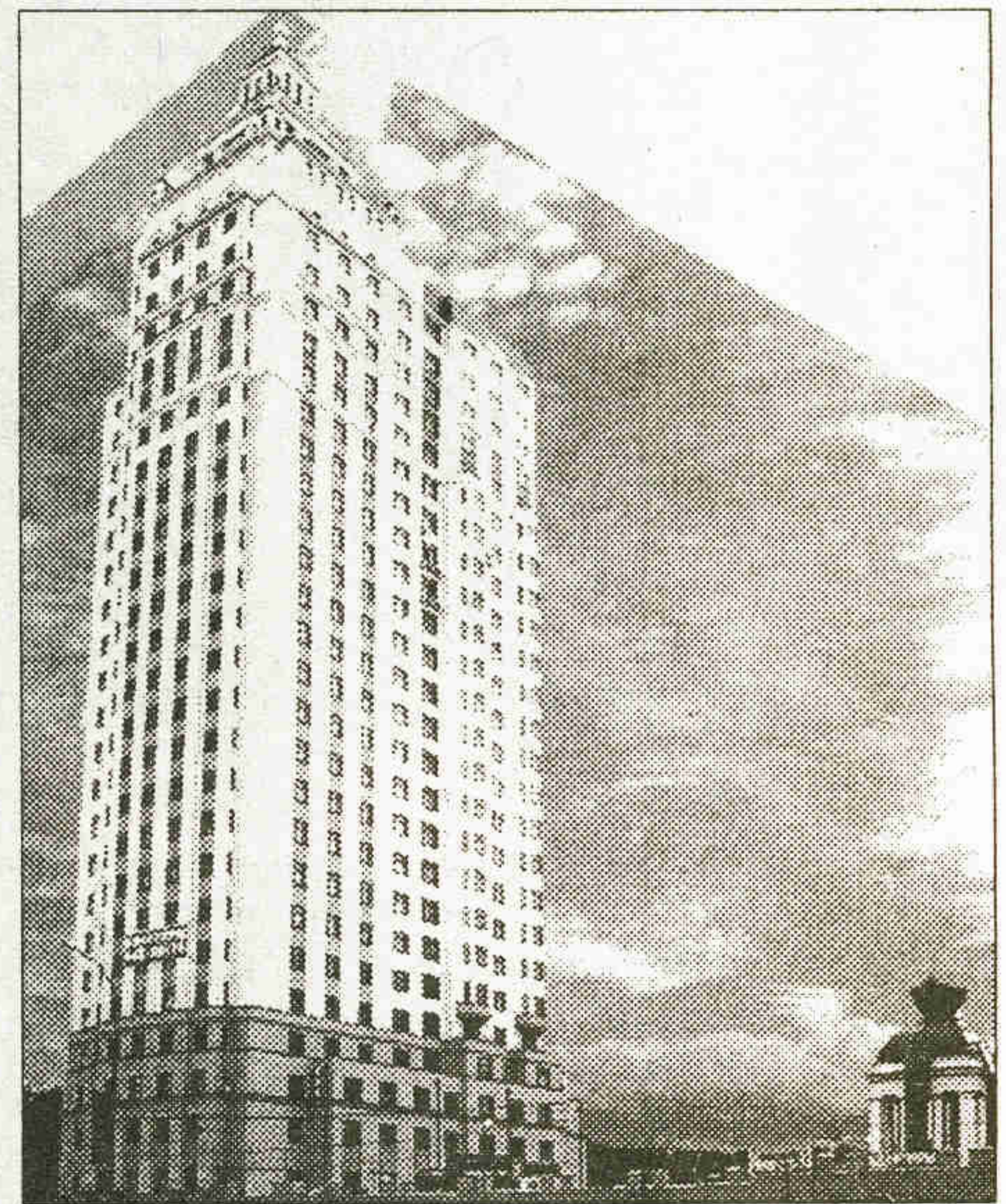
Философу Елене Петровской комплекс «Кунцево» нравится: «Это же чистый Нью-Йорк! Только в Нью-Йорке все это красиво и сияет, потому что окна каждый день моют, а станут ли мыть здесь?»

тура начинается там, где кончается машина. Хрущев категорию «искусства» для жилого дома отменил вдрызг, и тридцать лет он был той самой машиной, только очень хреновой. Возрождение жилой архитектуры началось с загородных особняков (за последние восемь лет оных построено 665 тысяч, а только в Московской области — 60 тысяч), но их архитектура представляет по преимуществу социологический интерес. Новые жилые дома в центре жестко ограничены контекстом, тут главное — успешно смимикрировать под старое (а кто не вписался — тому кирдык; дому «Груббер» на Новом Арбате, 29, «зарезали» высоту, и, спасая рентабельность, он стал разбухать вширь, и сейчас кажется, что того гляди лопнет). О Куркино, Бутово или Жулебино говорить не приходится. Так что если рассуждать о жилье, то художественная воля архитектуры явлена сегодня исключительно в большом элитном доме где-нибудь на периферии. Три десятка которых нынче как раз сданы или сдаются и становятся — по крайней мере для обывателя — символом современной московской архитектуры. Что же мы тут имеем?

Главный и общий для всех сценарий — уйти как можно дальше от советской коробки. Такое впечатление, что никакого образа идеального дома у зодчих нет вовсе, а есть только один антиобраз — панельная девятиэтажка.

нам, торчащим балконам, прямоугольным планам. Стены идут волнами, углы скругляются, на углах появляются окна, балконы заглубляются в плоскость стены, активно вводится цвет (а зодчий Андрей Чернихов так просто раскрашивает готовые дома в эдакий «камуфляж выходного дня»). Дальше начинаются поиски силуэта, но они, как правило, заканчиваются одним-двумя изгибами, чем весьма напоминают чешскую мебель, которая если чем и отличалась от советской, так только одной какой-нибудь гнутостью. «Помидор» на Ленинградке как раз и есть такой многоуважаемый шкаф, который вдруг пошел в пляс, но по причине избыточного веса сумел только одно колесо и выкинуть — крышу волной пустить.

Есть вариант завершения и похуже — мансарда. Наиболее чудовищные явлены миру в «самом эксклюзивном», как пишут риэлтеры, доме на улице Климашкина («Агаларов-хауз»), но апофеозом стал, конечно, ж/к (жилой комплекс) «Рубцовская набережная», где, кажется, сперва налудили мансард, а уж потом под них кое-как подогнали стены. Наши мансардмахеры любят кивать на Париж, но там и качество мансард получше, да и в плотной застройке в глаза не так бросаются. А когда у нас

«Тема устала» еще при Жолтовском. Попытки социологические объяснения. И если «Редану» на Новом Арбате не дали стать высоткой: м.

посреди невысокой застройки вырастает этакая дурь, то издали кажется, что над городом плывут гробы.

И вроде бы зодчие понимают, что при большом объеме надо брать силуэтом, да разучились за тридцать лет-то, не видят дом в перспективе. А потому с упоением, достойным лучшего применения, вдаются в детали: эркеры, арки, балясинки. Весь в балясинках новый дом на Садовой-Каретной: это такой стог сена, в котором главным формообразующим элементом становится иголка. Дом по Большому Трехгорному переулку в эркерах, как в бигуди, словно бы навешанных нимфоманкой в эротическом припадке — круглые, косые, шестиугольные. Дом в Руновском переулке, 12, — это уже басня про замковые камни, кото-

